

ПОДХОДЫ К ПЕРЕВОДУ МЕЖДОМЕТИЙ И РЕЛЯТИВОВ КАК ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ КОМПОНЕНТОВ ОБЩЕНИЯ

Серебрякова С.В.¹, Яковлева Е.В.¹

¹ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет», Ставрополь, Россия (355009, г. Ставрополь, ул. Пушкина 1), e-mail: svetla.na@mail.ru

В данном исследовании обсуждаются проблемы перевода междометий и релятивов, представляющих особый класс эмотивной лексики репрезентирующей в тексте художественного произведения как личностные, так и общелингуокультурные компоненты коммуникации. Идентификация значения и распределение эмотивной составляющей, кроющейся в глубинной семантике междометной конструкции, в эмотивном тексте предельно затруднены. Семантическая специфика междометий и релятивных конструкций заключается в «семиимпликационной» составляющей любого знака, имеющего интеръективную природу, а потому семантика их не является имманентной по своей сути, она не принадлежит собственно знаку, не дает возможности воспроизведения четко структурированного и закрепленного раз и навсегда значения. Наиболее перспективным направлением при переводе имманентно не значимых, но смыслово нагруженных единиц представляется поиск ситуативно-подходящих междометий в языке перевода, которые нередко абсолютно отличаются в этимологическом аспекте от междометий исходного языка.

Ключевые слова и фразы: междометие, релятив, семиимпликационный характер, эмотивный текст, когнитивно-валерная система, феноменологическая рефлексия, экспрессивно-эмоциональная и экспрессивно-прагматическая конкретизация.

APPROACHES TO TRANSLATION OF INTERJECTION AND RELATIVE CONSTRUCTIONS AS LINGUACULTURAL COMMUNICATION COMPONENTS

Serebryakova S.V.¹, Yakovleva E.V.¹

¹North-Caucasus federal university, Stavropol, Russia (355009, Stavropol, Pushkina St. 1), e-mail: svetla.na@mail.ru

This research is devoted to the problems of translation of interjections and relative constructions that represent special category (class) of emotive vocabulary. In fiction texts they realize personal components of communication as well as general linguaculturological ones. Meaning identification and desobjectivation of emotive component lying in deep (finite) semantics of interjection construction is hindered down to the limit. Semantic specificity of interjections and relative constructions lies in semantic-implicational component of any sign which has interjection nature. That is why the semantics of interjection is not immanent by definition, it doesn't belong to the sign and doesn't give an opportunity of reproducing clearly structured and fixed meaning. The most perspective way to translate units which immanently have no meaning but have some significance is to look for appropriate interjections in target language. Sometimes these interjections are etymologically totally different from interjections of source language.

Keywords: interjection, relative construction, semantic-implicative feature, emotional text, cognitive value system, phenomenological reflection, expressive-emotional and expressive-pragmatic substantiation.

Возможные подходы к переводу междометных и релятивных конструкций на настоящий момент представляют собой некую оппозицию: с одной стороны, это трансляция чисто эмотивной компоненты в целевом тексте, с другой стороны сохранение лингвокультурного колорита и элиминация или же отход от полносмысловой адекватной передачи эмоции. Многие ученые при рассмотрении неких абстрактных аспектов семантики вокального жеста и, соглашаясь с априорной универсальностью этого глубинного образования для всего человечества, все же склоняются к рассмотрению вопроса о различии междометий, которые передают один и тот же вокальный жест в различных лингвокультурах: например, английское междометие – *Pooh!* А. Вежбицкая признает, что

между междометиями есть определенное сходство, но делает при этом акцент на различиях и на их непредсказуемости [3]. Так, А. Вежбицкая в отношении данного вопроса склоняется к мнению, которое мы разделяем, что в каждом конкретном языке существует свой неповторимый и не совпадающий с подобными системами других языков набор первичных или истинных междометий.

В русском как целевом для переводческого аспекта нашей работы языке, например, нет полных эквивалентов для английских междометий *gee* и *wow*, в результате чего русскоязычный читатель в процессе работы с англоязычным текстом не способен угадать, что эти междометия означают в том или ином контексте и какому вертикальному и горизонтальному контексту они более соответствуют. При этом следует учитывать форму речи, письменную или же устную. Так, в устной речи любой вокальный жест вербализуется с помощью некоторого набора не собственно языковых, а скорее акустических возможностей – это движение тона, тембр и долгота звучания того или иного фонетического компонента, кроме того он воздействует вкупе с симптоматическими жестами и мимикой, т.е. невербальными симпатическими факторами, и это дает возможность относительно легкого распознавания вербализуемой эмоции.

Идентификация значения и распрямление эмотивной составляющей, кроющейся в глубинной семантике междометной конструкции, декодирование соответствующего вокального жеста, в письменном тексте предельно затруднены. И переводчик художественного, прежде всего, эмотивного текста обязан решить данную проблему, иначе невозможным окажется повторное опредмечивание и реализация прагматической составляющей в переводящем языке. В данном случае мы имеем дело с двумя радикально разными подходами к переводу междометных и релятивных конструкций: 1) учет и опора только на графическую форму и поиск эквивалентного соответствия в лексикографических источниках, 2) контекстуальная обусловленность и «ноэмотическая рефлексия», интуиция переводчика при поиске аналогов и адекватных форм передачи как эмотивной, так и лингвокультурной составляющей вокального жеста в переводящем языке.

В первом случае междометие чаще всего получает не только сходную функционально-прагматическую окраску в случае поверхностной идентификации эмотивной компоненты значения, но и аналогичную орфоэпию и орфографию:

"Ah, the news from India!" she cried. [10, p. 117] - «Ах, эти вести из Индии!» – вскричала она.

Показательным примером второго подхода с изменением, как написания, так и звучания, однако максимально близким соответствием эмоциональной и лингвокультурной доминанте переводящего языка, служит следующий вариант перевода:

"Oh look," she implored him. But what was there to look at? A few sheep. That was all. [10, p. 25] – *Погляди же!* – *молила она. Но на что тут было смотреть? Только овцы одни. Вот и все.*

Традиционно считается, что междометия служат для выражения эмоций. При этом значение основных первичных междометий признается диффузным, список имен эмоций, которые может передавать междометие, в большом количестве словарных статей открыт. Однако лексикографы до сих пор не имеют единого мнения относительно перечня эмоциональных номинаций по причине вполне объяснимой предосторожности: эмоций много, а жесткой, законченной их классификации не существует (причем не существует даже в психологии, не говоря уже о лингвистике). Именно поэтому большинство эмоциональных междометий имеет некоторую синонимическую природу в большинстве работ по исследованию их семантики, безусловно неверным будет являться как попытка отождествления их в рамках одного языка в различных контекстах, так и попытка передачи эмотивного начала без учета лингвокультурного компонента.

Положение русской грамматики и лексикографии в данном вопросе не очень отличается от мировой лингвистики. В своей известной статье о междометиях А. Вежбицкая [4, с. 635] приводит толкование английского междометия *ah* по Webster 1977: «восклицание, выражающее боль, удивление, жалость, сострадание, жалобу, неприязнь, радость, торжество и т. д., в зависимости от способа произнесения». Однако уже в данной статье автор формулирует важный вопрос об этноспецифической, национально-культурной компоненте междометий и релятивов. Исследователь пишет: «Междометия в значительной мере базируются на культуроспецифичных конвенциях, а не на универсальных «законах природы», или <...>, по крайней мере, имеет место какая-то смесь того и другого» [4, с. 612].

Функционально-семантический аспект позволяет классифицировать междометия «а) по направленности интенции от субъекта к миру, от субъекта к субъекту и от субъекта к самому себе (рефлексия); б) по способу отражения – «чувства – воля – разум»; в) по функционально-стилистическому диапазону» [3].

Семантическая специфика междометий и релятивных конструкций заключается в «семиимпликационной» составляющей любого знака, имеющего интеръективную природу. В.М. Никитин выделил следующие компоненты семантической природы междометных и реляционных конструкций, релевантные для перевода: логико-понятийный (интенционал), эмоционально-оценочный (экстенционал) и импликационно-ценностный (импликационал) [7, с. 64], однако для глубинного понимания и реализации в переводящем языке лингвокультурной компоненты, а также адекватного прогностического эффекта междометия целевого языка (сохранения прагматической доминанты) мы, вслед за О.А. Корниловым,

считаем обязательным учитывать четвертый компонент, а именно – сенсорно-рецептивный [6, с. 23], который и отвечает за адекватность звукового образа, некоей материальной оболочки интеръекционного знака его имплицитной семиотической функции. Именно он позволяет учитывать функционально-прагматическую значимость (место в когнитивно-валерной системе по С.Н. Бредихину) [2, с. 119] междометий и релятивов в процессе перевода – это, прежде всего, звуко-символическая и экспрессивно-регулятивная функция междометий.

Смыслом, подлежащим передаче при переводе релятивной и междометной конструкции в любом случае будет являться повторяющаяся стереотипная ситуация употребления, которая, превращаясь в некое привычное словоупотребление может способствовать «закреплению ситуации дефектного понимания при абсолютизации одного из аспектов восприятия, одной из констант понимания... Постоянное обращение к некоему непонятному, «вызывающему удивление» понятию, репрезентирующему новый смысл, выводит на новый уровень» [1, с. 30] иллюзии конвенциональности, а вместе с тем и предикативности, и адъективности и др., укрепляемой и верифицируемой затем коммуникативной или переводческой практикой в отмеждометном словообразовании по вновь сложившейся деривационной модели, например, глагольные смыслы в отмеждометных образованиях типа бухать, бляеть, айкать и т.п.

Большинство звукоподражаний, а также так называемых истинных местоимений как словоформы являются лишь цитационным употреблением индексальных знаков – «объект и интерпретанта которого ситуативны и семиоимплективны 'здесь и сейчас'» [5, с. 250], а соответственно, переоценка эмотивной компоненты в другой ситуации семиозиса является неоправданной, более важно передать здесь лингвокультурную составляющую.

Обратным процессом в переводческой деятельности по трансляции релятивных конструкций и междометий в целевой язык является прагматизация знака – это превращение в речевом акте неких закрепленных, конвенциональных знаков (релятивных образований) в конкретно контекстуально обусловленные индексы, и в данном случае их смысловая нагрузка зависит от горизонтального контекста произведения. Именно прагматизация знака являет собой базис открытости системы междометий и релятивных конструкций, собственно любой языковой знак может получить в процессе употребления индексальный характер и закрепившись в таком употреблении стать интеръективом. В данном вопросе уместным можно считать разграничение экспрессивности и эмоциональности, функционального стиля и стиля экспрессивного и некоторых видов коннотативных и прагматических значений. В книге Я.И. Рецкера «Теория перевода и переводческая практика» [8] на основе наблюдений за межъязыковой практикой делается вывод, что при переводе экспрессивно-стилистически

нейтральных слов оригинала в русском языке регулярно выбираются более экспрессивные варианты. При этом обычно используется и прием конкретизации. В этой же работе предлагается различать экспрессивно-эмоциональную и экспрессивно-прагматическую конкретизацию. В первом случае мы имеем дело с вербализацией не аллюзивных, простых междометий и звукоподражательных выкриков в функции демонстрации субъективного внутреннего состояния без его преобразования на луче рефлексии. Во втором варианте экспрессивно-прагматическая конкретизация связывается с тем, что в принимающем языке для соблюдения дифференциальной понятности высказывания предъявляются относительно более высокие требования к логичности и завершенности. Именно экспрессивно-прагматической конкретизации подвергается большинство нелинейных междометных и релятивных конструкций при переводе, что позволяет достичь большей степени функционально-прагматического соответствия духу оригинала и нормам переводящего языка.

Именно к данной группе лексем, сочетающих в себе междометные и полнозначные аспекты, применяется понятие размытой семантики, как отсутствия четкого семантического ядра и определенных, строго фиксированных ингерентных схем, что специфицирует при этом множество афферентных сем – наводимых, контекстуальных, импликационных (выводных), связанных с интерпретантой интеръективного знака в каждом конкретном употреблении, а значит и влияние данного факта на особенности перевода данной группы слов нельзя переоценить, порождение нового, значимого для конкретной ситуации и конкретной лингвокультуры знака вокального жеста является основной задачей переводчика эмотивного текста, как это наблюдается в сложносоставных релятивных конструкциях, несущих как чисто эмоциональный, так и аллюзивно-ассоциативный смысл, прагматическая нагруженность которых увеличивается посредством слабо референтных отрицательных конструкций [9, с. 260]:

*For hours at a time (pray **God** that one might say these things without being overheard!), for hours and days he never thought of Daisy. [10, p. 83] – Между прочим, часами подряд (господи, какое счастье, что никто не может подслушать его мыслей), часами и днями он думать не думал о Дейзи.*

Hunted out of existence, maimed, frozen, the victims of cruelty and injustice (she had heard Richard say so over and over again)-no, she could feel nothing for the Albanians, or was it the Armenians? but she loved her roses (didn't that help the Armenians?)-the only flowers she could bear to see cut. But Richard was already at the House of Commons; at his Committee, having settled all her difficulties. [10, p. 127] – Гонимые, преследуемые, истязаемые, окоченелые, жертвы жестокости и несправедливости (Ричард сто раз говорил), нет, ей совершенно

безразличны славяне – или армяне? Зато розы ей радуют сердце (ведь и для армян эдак лучше, не правда ли?) – единственные цветы, которые не противно видеть срезанными с куста.

Как уже отмечалось, семантическая особенность интеръективов заключена в семиоимпликационной природе интеръективного знака: его семантика не является имманентной по своей сути, она не принадлежит собственно знаку, не дает возможности воспроизведения четко структурированного и закрепленного раз и навсегда значения, а идет вслед за знанием самого этого знака-символа, знака-индекса, знания языка, формирования компетентной языковой личности в конкретной лингвокультуре, импликационных связей речевых фактов для переводчика как в иноязычной лингвокультуре, так и в языковой картине мира родного языка.

В случаях использования, например, приема транслитерации при передаче английских междометий (первичных междометий) на русский язык часто происходят нарушения в семантике целостного текста, изменяется стиль повествования, может создаваться впечатление некоторой «неполноценности» целевого текста или же неадекватного нелогичного поведения персонажа, в речи которого присутствуют рассматриваемые интеръективы. Транслитерация интеръекционных единиц при переводе с английского на русский язык текста может привести также к дефектному или же противоположному восприятию значения целостного высказывания, ведь глубинная семантика междометия непонятна для представителя другой лингвокультуры.

Однако необходимо заметить, что в языке перевода чаще всего имеются постоянные закономерные соответствия для междометных и релятивных единиц исходного языка. Но задача переводчика эмотивного текста, нагруженного множеством эмоциональных ситуаций, осложняется именно различиями в свойствах междометных конструкций в системе языка и в процессе речепроизводства, где они встречаются гораздо чаще, а семантическая наполненность их гораздо выше, чем в лексикографических источниках. Для обеспечения адекватности в передаче эмотивной и лингвокультурной составляющей интеръективов необходимо введение понятий варианта и инварианта того или иного конструкта, при этом данные понятия не обязательно должны коррелировать в исходном языке и языке перевода, решающую роль играет здесь соответствие экспрессивных и эмоциональных оттенков каждой отдельно взятой интеръекционной единицы языка целевого текста контексту и ситуации речепроизводства в эмоционально-экспрессивном плане в языке оригинала.

Междометия и релятивные конструкции, как показал анализ, характеризуются четко выраженной этнонациональной спецификой, при этом их глубинное семантическое содержание, а также особенности речепотребления часто непосредственно коррелируют с

национально-культурными традициями и историей народа – носителя языка. Здесь на первый план выступают уже гендерные и этноспецифические характеристики этимологии и употребления интеръекционной единицы. Незнание или намеренное игнорирование данных особенностей в речи персонажей или автора произведения создает при восприятии целевого текста впечатление неправильного эмоционального поведения субъекта в момент речевого общения или приводит к нарушению стилистики произведения, авторского замысла.

При адекватной трансляции прагматической и лингвокультурной компоненты междометий и релятивов должен обязательно учитываться тот факт, что их семантическая синонимия не всегда означает стилистическую синонимию, их употребление в дифференциации привносит неповторимый колорит в художественное произведение, репрезентирует не только языковой, но и социальный портрет героя или самого автора.

Переводческое «чувство языка» и особое внимание необходимо и в указанной нами выше ситуации полисемии и омонимии интеръекционных единиц, тождество звукового и графического состава отнюдь не всегда означает тождество семантики в той или иной эмотивной ситуации. Переводчик обязан строго дифференцировать случаи смысловых вариантов междометия при сходной или стабильной формальной структуре, разница в функционально-прагматической значимости и месте в концептуально-валерной системе может быть диаметрально противоположна. Например, английское *By George!* имеет несколько вариантов-омонимов, реализующих разнофункциональную значимость: эмоционально-оценочную и апеллятивно-побудительную.

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что особенность и сложность процесса перевода междометий и релятивных конструкций обусловлена особыми характеристиками их значений, не описываемых обычными формально-логическими способами, как других единиц языка, ведь их главным компонентом являются выражение субъективно чувственных отношений к действительности вне рамок привычной номинации. Междометный фонд каждого из сравниваемых языков не является застывшей системой, он постоянно пополняется в процессе интеръективации.

В процессе перевода, прежде всего, необходимо распознать функциональное тождество в интеръекционных единицах ИЯ и ПЯ, ведь действительно адекватный перевод заключается «...в передаче специфического для подлинника соотношения содержания и формы путем воспроизведения особенностей последней (если это возможно по языковым условиям) или создания функциональных соответствий этим особенностям. Это предполагает использование таких языковых средств, которые часто и не совпадая по своему формальному характеру с элементами подлинника, но, соответствуя норме языка перевода, выполняли бы аналогичную выразительную функцию в системе целого» [8, с. 114].

Безусловную трудность представляет процесс поиска эквивалентного соответствия и производных междометий и релятивов, чаще всего в данном случае невозможно использовать буквальный перевод базисного слова, представляющего собой основу конструкции. Так, например, некоторые переосмысленные релятивные конструкции с апеллятивно-побудительной семантикой абсолютно не совпадают ни по своему компонентному составу, ни по функционально-семантическим характеристикам в тексте оригинала и перевода, однако полностью передают эмоциональный настрой и лингвокультурную составляющую текстовой реальности:

*"Dear!" said Clarissa, and Lucy shared as she meant her to her disappointment (but not the pang); felt the concord between them; took the hint; thought how the gentry love; gilded her own future with calm; and, taking Mrs. Dalloway's parasol, handled it like a sacred weapon which a Goddess, having acquitted herself honourably in the field of battle, sheds, and placed it in the umbrella stand. [10 p. 29] – **Ах так!** – сказала Кларисса, и Люси, кажется, поделила ее разочарование (но не муку); ощутила их сродство; поняла намек; подумала про то, как они любят, эти господа; решила, что сама она ни за что не будет страдать; и, приняв из рук миссис Дэллоуэй зонтик, как священный меч, оброненный богиней на славном поле битвы, торжественно отнесла к подставке.*

Очевидным выходом, как мы видим, представляется поиск ситуативно релевантных междометий в языке перевода, которые нередко полностью отличаются в этимологическом аспекте от междометий ИЯ. Вычленение определенных критериев интеръекционных единиц в речевых актах, определение методики их дифференциации в плане формальной структуры, семантики и стилистической вариативности и инвариантности, особого места в когнитивно-валерной системе, как продуцента, так и реципиента речи является результатом сравнительно-сопоставительного анализа функционально-семантических соотношений междометных и релятивных конструкций в языках контактирующих в процессе переводе. Именно выявление определенных закономерных соответствий и различий интеръекционных единиц в сравниваемых языках позволяет выработать адекватные методы и стратегии передачи семантики и прагматики междометий и релятивных конструкций в англо-русском переводе эмотивного текста, позволит выделить эквиваленты, аналоги и адекватные трансформации единиц ИЯ средствами ПЯ.

Список литературы

1. Бредихин С.Н. Декодирование смысла в философском дискурсе: основные типы трансформаций суперструктуры // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 9

(27). В 2 ч. Ч. 1. – Тамбов: Изд-во «Грамота», 2013. – С. 28-32.

2. Бредихин С.Н. Трансформации в речевом потоке: производство смыслов и управление деривационными моделями // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2014. – № 1 (038). – С. 115-124.
3. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 288 с.
4. Вежбицкая А. Семантика междометий // Семантические универсалии и описание языков. – М., 1999. – С. 611-647.
5. Вежбицкая А. Дескрипция или цитация / Пер. с англ. С. А. Крылова // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIII. Логика и лингвистика (Проблемы референции). – М.: Радуга, 1982. – С. 237-262.
6. Корнилов О.А. Языковые картины мира национальных языков и национальные менталитеты. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
7. Никитин М.В. Знак - Значение - язык. – СПб.: Изд-во РГПУ им.А.И. Герцена, 2001. – 226 с.
8. Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика. – М.: Р.Валент, 2007. – 244 с.
9. Серебрякова С.В. Коммуникативно-прагматические особенности реализации категории отрицания в рассказах Юдит Германн // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. – №3(42). – 2014. – С. 259-263.
10. Woolf V. Mrs. Dalloway. – Boston: Houghton Mifflin Harcourt, 2002 г. – p. 216.

Рецензенты:

Ходус В.П., д.фил.н., заведующий кафедрой русского языка ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет», г. Ставрополь;

Манаенко Г.Н., д.фил.н., профессор, профессор кафедры русского языка ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет», г. Ставрополь.